

УДК 130. 2

## **СЕМИОТИКА ПРОТЕСТАНТСКОЙ ПАРА-АГИОГРАФИИ**

**В.Ю. Лебедев\*, А.М. Прилуцкий\*\***

\*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

\*\*ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет  
им. А.И. Герцена, С.-Петербург.

Статья посвящена анализу специфики агиографических устных нарративов, популярных среди неопротестантов. Несмотря на фактическое неприятие почитания святых, протестантизм накопил параагиографические тексты, во многом напоминающие классическую агиографию. Авторы используют в качестве источников опубликованные материалы и устные интервью, записанные в разное время. Данное исследование проводилось в рамках семиотического подхода. Авторы обосновывают вывод о народном характере протестантского параагиографического нарратива и его способности адаптировать традиции классической агиографии в ином религиозном контексте.

**Ключевые слова:** *агиография, агиология, протестантизм, апокриф, гонения.*

Методологической особенностью нашей работы является ее семиологический и культурно-антропологический, фольклористический характер, мы не претендуем на онтологический подход, связанный с выявлением подлинности тех или иных событий, а тем более их оценкой. Нас интересуют лишь механизмы их семиотизации и трансляции, преимущественно устной. Если в православии и католицизме агиографические жанры религиозного дискурса фундируются традицией почитания святых, то протестантизм, редуцировавший исторический культ святых в англиканстве и лютеранстве и фактически полностью его ликвидировавший в радикальных протестантских обществах, с неизбежностью должен был переосмыслить агиографию в соответствии с новыми теологическими установками. Сохранить существующие агиографические жанры в неизменённом виде в качестве своего рода адиафоры: теологически-необязательного, но при этом допустимого элемента религиозной семиосферы было затруднительно для протестантских теологов именно в силу семиотического значения традиционной агиографии, которая во многом выступала в качестве символического кода средневекового католицизма, с которым велась борьба. Однако при этом проявляла себя семиотическая инерция, в особенности характерная, как отмечали многие авторы, например, Ю.М. Лотман, для религиозных знаковых систем [5, с. 11–71]. Эта инерция и определяла трудность отказа от ряда элементов прежнего дискурса, которые в новом становились вроде бы лишними, и в итоге сформировала эклектичный характер новой протестантской параагиографии. На наш взгляд, это обусловлено общим структурным сходством между конфессиями и религиями, причем степень схождения увеличивается при увеличении объема общих элементов. Избавиться от такого «протаскивания» ненужных элементов можно лишь полным уничтожением структуры et eo ipso структурного схождения. Ю.С. Степанов

описывает в качестве одного из законов семиотики инерцию именованья [7, с. 78–88], мы же сосредоточим внимание на инерции структурной, каковая, на наш взгляд, также может претендовать на статус закона семиотики, если говорить о наличии таковых.

Протестантская агиография прежде всего идет по пути максимального сохранения структуры житийного нарратива при смене элементов, заполняющих эту структуру. Прагматика («поступай подобным образом») при этом сохраняется. Повествования о жизни святых, выполненные в соответствии с канонами, в котором особое место занимает описание совершенных ими (при жизни и посмертно) чудес, несли в себе элементы дореформенной стилистики, того средневекового типа набожности, который создавал семиотический фундамент народной религиозности, пронизанной духом сотериологического синергизма. Произошла и инверсия аксиологического компонента агиографического нарратива. Святой чудотворец, помогающий верующим своим заступничеством, в протестантской интерпретации превратился в «идола, заслоняющего Христа», а народное почитание святых было объявлено априорно «грубым злоупотреблением наподобие открытого идолопоклонства, каковому придается низменная чернь в отношении святых и паломнических странствий» [1, с. 279].

Однако, как это часто бывает, уничтожение текстов оказывается не более чем знаковым приемом, порождающим множество новых текстов [3, с. 50], а отказ традиционного почитания святых в реальности лишь заменил агиографию пара-агиографией. Под последней будем понимать биографический нарратив, связанный с жизнью почитаемых религиозных деятелей, иногда – «простых верующих», заслуживших известность какой-либо духовной добродетелью<sup>1</sup>, но при этом не воспринимаемых в качестве святых в традиционном агиологическом смысле. Радикальный протестантизм быстро нашел оправдание для такой агиографии непосредственно в Библии, в указании «помянуть наставников», но не молиться им. В результате все, что не являлось откровенным взыванием с просьбой о защите, могло существовать вполне легально. Замена святого угодника пресвитером, проповедником или просто «очень верующим братом», уточнение, что молился он исключительно Богу, без упоминания святых или ангелов, возможно, замена или элиминация еще некоторых деталей – и, если не учитывать более современный язык – пара-агиографический текст предстает вполне завершенным. Интересно, что и сдвиги в иконопочитании происходили во многом схожими путями. В интервью с пресвитером одной из общин ВСЕХБ нам удалось выявить мотивацию, не позволяющую ему допустить помещение портрета Лютера в комнате заседаний братского совета (не в молельном зале): «Кто-нибудь из внешних подумает, что мы ему поклоняемся». Если ответ был полностью искренним, то наличие портрета мешали не принципиальные установки, а привходящие обстоятельства в виде боязни случайного соблазна. Равным образом и пара-агиография становится допустимой, если никого не «соблазняет» наличием признаков почитания и ритуальной молитвенной инвокации. В остальном основные жанровые модели традиционного жития, включая и наиболее распро-

---

<sup>1</sup> Например, миссионерскими трудами, стойкостью в условиях гонений, благотворительностью, etc, etc.

страненные типы чудотворения, в целом сохранились, причем устная трансляция таких житий позволяет, по нашим наблюдениям, гораздо быстрее возвращать ее к образцам традиционного жития. Нами зафиксирован устный рассказ о жизни одного из деятелей российского евангелизма, которому, помимо прочего, была приписана прозорливость – этот брат предсказал день своей смерти (Информант Н). Приведем пример еще одного случая прозорливости: информант С. (баптист, 73 года, среднее специальное образование) поведал об «очень духовном брате, который ничего не читал, кроме Библии, телевизора не было у него и радио, но он знал обо всем, что в мире происходит, о чем в газетах пишут. Так он раньше всех узнал о смерти Хрущева в 64 году» (интервьюер явно путает дату отставки Н.С. Хрущева в 1964 г. и смерти, которая произошла 11 сентября 1971 г.). Жизнеописание Николая Пейсти, отца известного радиопроповедника Ярла Пейсти, содержит вполне агиографичный элемент: в лесу, во время вынужденной смены места обитания, по молитвам пастора некая фигура вынесла ему посуду с манной кашей для ребенка. Нам приходилось фиксировать такой рассказ задолго до появления его интернет-версий, в 1990-х гг., причем ни о какой фигуре в нашей версии речи не было, каша просто была неким чудесным образом найдена (Информантка М., медработник). Иногда сюжетный элемент «вознаграждение праведника» становится не просто центральным, а сопровождается редукцией остальных, приближаясь к жанру поучительной, дидактической истории. Так, информант В. рассказывал о том, как у бедной пенсионерки, благодаря ее молитвам, всю зиму не кончался ограниченный запас угля, которым она отапливала избу. Информант С. (неоконченное среднее образование, пенсионер) рассказывал о прозрении слепой девушки во время ее свадьбы, посланное ей за то, что она не стригла волосы и сохранила их длинными (табу, распространенное среди многих радикальных протестантов).

Поскольку своих «чудотворцев» и «праведников» протестанты канонизировать не могут, то семиотика соответствующей пара-агиографии носит вынужденно аллегорический и метафорический характер: примером служат различные «божьи генералы», «демонстраторы духа», «отцы пятидесятницы», «люди чудес», и даже «катализаторы пятидесятницы» [4] – очевидно, что эти и подобные кластеры являются заменой традиционных агиологических рангов святых в католицизме и православии. Отметим, что в «духовное звание генералиссимуса» производят своих особо полезных сторонников и последователи Рафаила Берестова – лидера маргинального православного течения царбожников, и, подобно протестантским «божьим генералам», «генералиссимусы» о. Рафаила тоже представляют собой пара-агиологический ранг [6]. В качестве другого примера можно привести название пара-агиографического панегирика «Лютер – пророк, учитель и героическая личность» [2]<sup>2</sup>, прагматикой которого является формирование представлений о М. Лютере как о своего рода метафорическом заместителе святого, поскольку отсутствие почитания святых в протестантизме вызывает у многих верующих ощущения экклезиальной неполноты и связанного с ним психологического дискомфорта. Порой сама Реформация в некоторых текстах апологетически подается если и не как «вторая Пяти-

---

<sup>2</sup> В английском оригинале пара-агиографические мотивы звучат более выразительно: «Martin Luther as Prophet, Teacher, and Hero» [8].

десятиница» (что само по себе уже должно требовать агиографической подачи), то как «самое великое событие со времен Пятидесятницы» (оценка Второго Ватиканского собора как «второй Пятидесятницы» вызвала ироническую реплику традиционалиста: «Первой было недостаточно»). Помещение скульптурных изображений Лютера в некоторых протестантских храмах только подчеркивает совершенно ясную тенденцию. Да и странно было бы не почитать хотя бы просто изготовлением статуи такую личность, как пророк новой Пятидесятницы.

Традиционная агиография знает два основных сюжета, описывающих детство и молодость святого, условно их можно определить как «сын благочестивых родителей» и «покаявшийся грешник» (типология женской святости, менее разработанная, в целом тоже подчинена этим сюжетам).

В качестве промежуточного, третьего кластера можно рассматривать сюжет, повествующий о самостоятельно сформированном благочестии будущего святого, который с детских лет желает посвятить себя монашеской аскезе, что вступает в противоречие с намерением родителей.

В протестантской пара-агиографии представлены вариации всех этих традиционных сюжетных линий, причем преимущество отдается типологии «покаявшийся грешник», поскольку она в большей степени созвучна протестантскому пониманию покаяния как сотериологически значимого события (но не таинства), предшествующего «принятию водного крещения в сознательном возрасте». Впрочем, дети верующих родителей (под верующими понимаются исключительно протестанты), для которых существуют аббревиатура ДВР, пользуются некими привилегиями, однако и они должны пережить своего рода падение (достаточной формой его может быть охлаждение к вере или протестное непосещение богослужений; возможен вариант изначально недостаточно пламенной религиозности), иначе не в чем потом будет каяться.

Особое место в протестантской пара-агиологии занимает тема «гонимый», причем типология гонений исключительно широка, но не несет почти ничего нового, если только не считать причисления к гонителям православных, католиков, а порой и консервативных протестантов. Нами был зафиксирован рассказ баптистского проповедника П. (незаконченное среднее образование), в весьма неясных, но крайне эмоциональных формах предлагавший узнаваемый агиографический сюжет, когда какого-то «брата» зачем-то поймали и привели к патриарху Тихону, непонятно куда и зачем «проезжавшему в своей карете», при каких-то обстоятельствах коротким и мудрым ответом этот брат посрамил духовенство, сопровождавшее патриарха. Полагаем, что мы встретились с типичным устным пара-житием, к тому же или изначально фрагментным, либо вырванным из контекста и переданного с заметными утратами. Интересно и то, что в данном случае произошло хронологическое смещение, инверсия хронотопа, что характерно для типичных народных житий. Если знать дату избрания митрополита Тихона патриархом, то становится весьма сомнительно, что в послереволюционный период кто-то мог вылавливать «братьев» для того, чтобы привести их к самому патриарху. Более того, радикальные протестанты примерно до середины 1920-х гг. пользовались определенными привилегиями, как «пострадавшие при царизме». Другой проповедник, Г. (бывший технический работник) на вопрос, почему не следует носить галстук, воспроизвел явный фрагмент подобного же нарративного тек-

ста про некоего безымянного брата, который «во время войны проповедовал по всему Крыму», носил кирзовые сапоги, а галстука не носил. Дидактический момент налицо в обоих случаях, хотя во втором он и выражен сильнее. В принципе к «гонениям» может быть отнесено создание любых сложностей в сфере религиозной деятельности: от реальных судебных репрессий в 1930–50 гг. до закрытия молитвенного дома пожарнадзором из-за плачевного состояния проводки или опечатывание сортира санитарной властью, что в целом говорит о девальвации гонений. Факты гонений должны служить повышению социального престижа, а также и подтверждению экклезиологической состоятельности, т. е. целям апологетики конфессии. В результате сюжетные элементы «гонений» как части пара-агиографического нарратива становятся центральными, постепенно образуя уже упомянутый выше новый жанр – дидактической истории, где центральным событием является уже наказание тех или иных неугодных или просто скептиков («гонителей»), причем гонения из физических сплошь и рядом становятся вербальными, так что сама их сущность просто пропадает. Граница жанрового перехода, соответственно, нередко трудноуловима. Подчас «гонения» и козни, по-видимому, изобретались на пустом месте – как необходимый сюжет для нарратива. Тот же информант, что говорил о ношении галстука, сетовал, что пресвитер их общины специально сдвинул время начала собрания, чтобы «людей меньше пришло» (время было сдвинуто сообразно желанию части пасомых, боявшихся в темное время суток ехать на край города). Иногда подобное просто перерастает в сведение счетов, при чем рассказ может далее транслироваться совершенно самостоятельно, меняя детали. Информант Б. (проповедник) рассказывал о смерти пресвитера, с которым имел плохие отношения: в гробу у него была ужасная гримаса на лице. Сообщения о посмертных гримасах сомнительны в силу того, что до начала трупного окоченения вся мускулатура расслабляется (покойник даже прибавляет в росте из-за полного выпрямления позвоночника). Надо констатировать или полную медицинскую неграмотность, или имплицитные претензии на чудесность описываемого события, когда естественный порядок вещей изменился. В последнем случае будет естественным возвести рассказ к многочисленным и очень древним, даже дохристианским по происхождению назидательным историям о смерти грешников, которая может сопровождаться и явными чудесными знаменами (достаточно указать хотя бы на агадические истории). Такие истории могли существовать самостоятельно, инкорпорироваться в тексты иных жанров (гомилетических, агиографических), так что и легкое преодоление конфессиональных границ видится совершенно естественным. Гонения поэтизируются и апокрифируются, при этом формируются устойчивые агиографические штампы и кочующие сюжеты о том, как мужественный пастор посрамил «слуг антихристовых в погонах» (как вариант, повествуется о последующем покаянии следователей/тюремщиков). Видимо, эти рассказы восходят к более старому пласту текстов, пример которых мы уже привели выше (касавшихся святителя Тихона и непонятно кем и зачем поиманного «брата»). Как вариант гонений следует рассматривать все сюжеты с «хулением истинной церкви», которую осуществляют «отделившиеся», т. е. образовавшие параллельную общину, «отпавшие», «отступники», а также православные и католики, особенно из тех, кто присоединился к этим церквям, порвав с радикальным протестантизмом. Община истинно верующих терпит

хулу (смягченный вариант гонений, где действия чисто вербальные), получая моральный ущерб, а хулитель потом непременно получает наказание. Подобные тексты используются в дидактических целях, дабы желающих «хулить» ту или иную общину стало меньше. Информантка А. (бухгалтер) завершила свой краткий рассказ о преждевременно умершем «хулителе общины» поучением «вот и умер, потому что хулил». Информант С., баптист, именовал «Иродиадой» ничем не примечательную работницу коммунальной службы, требующей от руководства общины зимой обеспечить уборку снега перед молитвенным домом.

Встречаются и вольные пересказы, адаптация житий разных святых, особенно мучеников раннехристианского периода, однако опознать, какое житие подверглось обработке, часто затруднительно из-за склонности элиминировать имена святых и заменять их «братьями» и «сестрами». Нами был зафиксирован пересказ узнаваемого фрагмента жития св. Августина, где святой фигурировал как «один брат».

Не менее интересным явлением является адаптация протестантами православных псевдоагиографических апокрифов новейшего времени (поскольку текст апокрифа вероятностно повествует о действии святого, наказывающего грешника (остается открытым вопрос о том, кто именно является источником наказания – святой или Бог), мы можем рассматривать данный сюжет как псевдоагиографический). Так, в 1960–80 гг. в дискурсах народного православия фиксировался апокрифический рассказ о легкомысленной девушке, которая в качестве кавалера для танца использовала икону святителя Николая Мирликийского (икона выступает в качестве метонимического заместителя отсутствующего живого человека – Николая, знакомого этой девушки, с которым она планировала провести вечер); в итоге нечестивая танцовщица была наказана особым параличом-окаменелостью и смертью (существуют и другие варианты конца этой легенды, например, об исчезновении окаменевшего тела, которое пришлось вырубать из досок пола). Данный апокриф позднее получил название «Зоино стояние», т.к. изначально анонимная его героиня в более поздних версиях получает имя Зоя. Анализ этого текста, возможных механизмов его генерации и дальнейшей передачи уже посвящались работы этнографического характера. Церковь не высказала окончательного отношения к этим событиям, хотя в Самаре интенсивно распространялись слухи о чуде, да и до сих пор среди самарских верующих сомневаться в подлинности истории обычно не принято, существуют даже иконы с изображением этого события. В некоторых епархиях в начале 1990-х гг. имели хождения брошюры с изложением подробностей данного события (как к этому относилась церковная иерархия, была ли официальная санкция на их издание, нам не известно, но существование брошюрок несомненно). Проверка затрудняется тем, что разъяснения того времени представляли события в любом случае не имеющими потустороннего компонента, свидетельства возможных очевидцев доходят до нас чаще в пересказах, когда появляется не менее одного промежуточного утраченного звена коммуникативной цепочки, а надежды что-то узнать из аутентичных документов почти утрачены. Считать ли соответствующий рассказ отображением неких событий или все же целиком благочестивой легендой – пока неясно, в православной среде легенда о «Зоино стоянии» периодически воспроизводится, а за счет устного, фактически фольклорного быто-

вания можно отметить некоторые вариации непервостепенных деталей. Однако весьма интересен факт хождения этого рассказа в другой конфессиональной среде. В протестантской среде в 1990-х гг. нами фиксировался вариант этого апокрифа (фиксировано среди протестантов-баптистов и евангельских христиан – Нижегородской области и Нижнего Новгорода; интересно, что данный сюжет знаком некоторым протестантским пасторам Санкт-Петербурга, которые считают его «бабьими баснями»), в котором легкомысленная «сестра» танцевала (что уже является предосудительным поступком с точки зрения многих протестантских деноминаций) с Библией в руках. Если в православном варианте действие легкомысленной танцовщицы кажется нелепым, но благодаря метонимической связи «знакомый Николай» – «икона св. Николая» у него прослеживаются рациональные основания, то в протестантском варианте оно уже граничит с полным абсурдом и выглядит почти как антиклерикальный анекдот. Плюсуња-протестантка равным образом была наказана параличом и смертью. Интересно, что при этом протестантская теология категорически настаивает на том, что Библия в качестве материального предмета не должна быть объектом почитания, каковое считается разновидностью идолопоклонства. Однако данный сюжет свидетельствует о том, что в рамках народной протестантской традиции сохраняются и активно воспроизводятся вполне мифологические взгляды, заимствованные из православной народной культуры, что лишний раз свидетельствует в пользу того, что народная религиозность во многих проявлениях является интерконфессиональной.

Еще интереснее то, что петербургский пастор, с которым этот сюжет обсуждался нами в середине первого десятилетия XXI в., утверждал, что на самом деле нечестивица не была парализована, но провалилась в отхожее место (очевидно, вместе с Библией), о чем умалчивается из соображений благопристойности. Трудно представить, насколько странной должна была быть архитектура здания, чтобы такое падение было бы возможным, вряд ли кто-то стал бы устраивать выгребную яму под полом жилого помещения. Полагаем, перед нами образец сатирического травестирования пара-агиографического апокрифа, содержащий одновременно завуалированное ироничное указание на патологический страх типичных протестантов перед скатологической лексикой, что было весьма точно и тонко подмечено нашим собеседником.

Стоит отметить, что данный нарратив показателен и как образец семиотической замены православной реликвии (реальной с точки зрения православной теологии) аллегорическим (или метафорическим) протестантским заместителем. Если в православных текстах богохульство, как правило, символизируется глумлением над священными изображениями (реже – священными сосудами, Евхаристией), то в протестантской интерпретации символом богоборчества является практически всегда демонстративное сожжение, либо иное уничтожение (порча) Библии. Данное замещение иконы Библией при заимствовании сюжета может, как в приведенном примере, носить механический характер, что неизбежно приводит к потере смысла.

Вообще же рассказ о «Зоином стоянии» нам приходилось фиксировать от респондентов-протестантов неоднократно, причём детали могли различаться (например, уточнение того, что девушка, придя в себя, ответила на вопрос, за счет чего она жила окаменевшей, говорила, что ее кормили голуби – т. е. явно посланцы Бога – информантка М., 74 года). Возникает явная параллель и

с известным агиографическим сюжетом, так, в житии св. мученицы Екатерины пищу для святой в темницу приносит голубь. Зато частотное упоминание о посещении дома с окаменевшей девушкой неким старичком, похожим на святого Николая Мирликийского, с иконой которого Зоя и совершила кощунственный танец, в случае бесед с респондентами-протестантами не зафиксировано нами ни разу. Вопрос о том, за что же была наказана девушка, уже упомянутая рассказчица пояснила, что хотя та не знала «истинной веры» и вообще была атеисткой, кощунство она совершила сознательно (в среде таких же «невежественных в вере», как и она сама), а значит и наказание вполне объяснимо. Вообще вопрос об истинной вере, «возрожденности» и ясности для людей мотивов наказания или иных знаков Бога решается в протестантской параагиографии обычно в пользу того, что искренняя вера, даже ошибочная (последняя оговорка в подобных случаях носит конфессионально-апологетический характер, поскольку иначе протестантам пришлось бы признать богоугодность иконопочитания и имплицитно выступать его защитниками), позволяет молитве быть услышанной. Это подтверждается следующим текстом (информант С., 19 л., столяр): некая адвентистка молилась о просвещении своих родственников, упорно евших свинину (их конфессиональная принадлежность не уточнялась). В результате варившееся в кастрюле доброкачественное свиное мясо внезапно оказалось кишасшим червями. Интересно, что информант, баптист, с похвалой высказывался о силе веры этой адвентистки и полагал, что ответ на подобные молитвы вполне возможен, даже при заблуждениях в вере. Интересную сюжетную перекличку находим в рассказе информанта Н. (74 года, помощник пресвитера, пенсионер, ранее – водитель трамвая, образование среднее специальное): «Рассказывали братья, это было в году где-то в девяносто пятом. Была одна сестра, молодая, кровь горячая, одна она жила, без мужа. И вот, горячая кровь, ей лет двадцать было, она впала в блуд. С одним иеговистом, он тогда был в их секте тогда в большом чине, я не знаю, не помню тогда точно, как мне тогда говорили. Да и не знаю я их нюансов всяких. Старейшина там, или областной, типа того. И вот они блудили, ладно, грех такой, “потому что все согрешили и лишены славы Божией”. Как сказано в Библии, “каждый, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею в сердце своем”, а он не просто на нее смотрел, а он ее реально имел, и не один раз. Потом, когда она была в собрании, после хлебопреломленья, к ней пошел один брат и обличил ее. Сказал, “ты во грехе живешь, блудишь, если сегодня не покаешься, завтра умрешь”. Она испугалась, побежала к пресвитеру в кабинет, покалась, на коленях стояла. Потом пришла домой, позвонила тому иеговисту – “больше блудить с тобою не буду, грех, и ты покайся”. Ну, он тогда посмеялся. И вот что, на другой день он окаменел, парализовался совсем. Увезли его в больницу, он там неподвижно лежал. Ему уколы делают – иглы гнутся (sic!). Врачи ничего не понимают. Так он полежал там неделю и умер. А сестра покалась – спаслась. Покаяние и вера правильная, вот и спаслась. Потом замуж вышла, дети у нее были. А что за брат ее обличил – по ее потом словам, никто его не знал, откуда он пришел, кем он был – никто не знал его (sic!) . Может, ангела Бог послал ее обличить и спасти. Наверное, ангел был». Параллели с «Зоиным стоянием» очевидны, возник ли текст о «наказании блуд творящих» целиком уже после того, как рассказ о Зое стал циркулировать в пространстве народной религиозности, или из «стояния»



лишь заимствовали некоторые детали, чтобы орнаментировать какой-то более старый текст, на данный момент трудно сказать, но подробные компаративные семиотические исследования вполне могут пролить свет и на этот вопрос, и на множество подобных.

Проведенное рассмотрение дискурса протестантской пара-агиографии позволяет выделить фольклорный характер не только самого способа передачи текстов, но и их особенностей, получаемых благодаря использованию такого канала, а также постоянную эксплуатацию классического жития с не очень значительными и однотипными вариациями, своего рода семиотическое «паразитирование», семиотическая «прививка», позволяющая питаться за счет ресурсов другой конфессиональной культуры.

### **Список литературы**

1. Апология, XXI, 16. // Книга Согласия. Б.м.: Фонд Лютеранское согласие, 1998. 837 с. С. 67–364.
2. Колб Р. Мартин Лютер: пророк, учитель и героическая личность, Образ реформатора 1520–1620. М.: Книга-лабиринт, 2017. 273 с.
3. Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 574 с.
4. Лиардон Р. Божьи генералы. М.: Светлая звезда, 2012. 400 с.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
6. Почему Рафаил (Берестов) со товарищи раскалывает РПЦ? (часть 2) [Электронный документ] URL: <http://www.goldenship.ru/publ/rafaillber2/1-1-0-185> (дата обращения – 16.12.2018).
7. Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1988. 784 с.
8. Kolb R. Martin Luther as Prophet, Teacher, and Hero. Michigan: Baker Academic, a division of Baker Publishing Group, Lutheran Heritage Foundation Grand Rapids, 1999.

## **SEMIOTICS OF THE PROTESTANT PARA-AGIOGRAPHY**

**V.Y. Lebedev\*, A.M. Prilutskij\*\***

\*Tver State University, Tver

\*\*Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

This article is focused on the analysis of the specifics of the hagiographic oral narratives, which are popular among modern Protestants. Despite the actual rejection of the veneration of saints, Protestantism spread para-hagiographic texts that in many respects resemble classical hagiography. Authors use both published materials and oral interviews recorded at different times as sources. This study was carried out in the framework of the semiotic approach. Finally, the authors substantiate the conclusion emphasizing the folk character of the Protestant para-hagiographic narrative and its ability to adapt the traditions of classical hagiography in a different religious context.

**Keywords:** *hagiography, hagiology, Protestantism, apocrypha, persecution.*

*Об авторах:*

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, С.-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

*Authors information:*

Lebedev Vladimir Yurievich – PhD, Assoc. Professor, Professor of the Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver state University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

Prilutskii Alexander Mikhailovich – PhD, Professor, Professor of the Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.- Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru